

УДК 930(47:316.344.42)"18/19"

ПРОФЕССУРА И СТУДЕНЧЕСТВО XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА В РОССИЙСКИХ ДИССЕРТАЦИЯХ: ПОИСК БЕЛОРУССКОГО СОДЕРЖАНИЯ

Шимукович С. Ф.

Республиканский институт высшей школы, Минск, Беларусь

В статье рассматриваются современные российские исследования по истории профессорского сообщества и студенчества в Российской империи в XIX – начале XX в. Предметом анализа выступают авторефераты диссертаций по гуманитарным наукам, которые были защищены в 1990–2010-х гг. в России. Автор прослеживает динамику роста защит, изменения в тематике исследований, обозначает контент, представляющий интерес для белорусской историографии. Отмечается рост интереса среди исследователей российской истории имперского периода к проблеме высшего образования и трансформации академического сообщества.

Ключевые слова: профессура; студенчество; белорусская интеллектуальная элита; университеты Российской империи; российская историография о XIX в.

PROFESSOR AND STUDENTS 19th – EARLY 20th CENTURIES IN RUSSIAN DISSERTATIONS: SEARCH FOR BELARUSIAN CONTENT

Shymukovich S.

National Institute for Higher Education, Minsk, Belarus

The article analyzes modern Russian research on the history of the professors' community and students in the Russian Empire in the 19th – early 20th centuries. The subject of the analysis is the author's abstracts of dissertations in the humanities, which were defended in the 1990s – 2010s in Russia. The author analyzes the dynamics of the growth of defenses, changes in research topics, identifies content of interest to Belarusian historiography. There is a growing interest among researchers of Russian history of the imperial period to the problem of higher education and the transformation of the academic community.

Keywords: professorship; students; Belarusian intellectual elite; universities of the Russian Empire; Russian historiography about the XIX century.

В современной исторической науке динамично развивающимся направлением является изучение истории развития научной инфраструктуры и высшего образования. Популярность данного направления можно объяснить его генетической связью с исследованиями по исто-

рии элит. Предметами научного анализа здесь выступают научная и образовательная инфраструктуры, предоставляющие условия для воспроизводства всех видов элит и самореализации элит интеллектуальных, а также интеллектуальная элита как специфическая социальная группа, непосредственно занятая в данном процессе.

Предметом нашего интереса в рамках данной статьи является профессорское сообщество и студенчество российских учреждений высшего образования, в первую очередь императорских университетов, в XIX – начале XX в. Интерес к данным социальным группам обусловлен тем, что среди профессуры было много уроженцев западных губерний (или белорусских земель), которые выстраивали свои научные карьеры за пределами родного региона. Таким образом, «белорусское содержание», заявленное в названии статьи, получает скорее географическое наполнение, поскольку о национальном не представляется возможным говорить в силу значительного разнообразия в проявлении вариантов и уровней идентичностей среди интересующих нас уроженцев белорусских земель. В свою очередь студенчество, в рядах которого также было много уроженцев западных губерний, мы рассматриваем как ресурсную базу воспроизводства региональных и имперских элит. Нас интересуют обстоятельства, которые сопровождали процессы социализации и унификации данных социальных групп в контексте политики империи в отношении западного региона. Этим вопросам посвящены работы [1; 4; 16].

Мы принимаем положение, согласно которому интеллектуальные элиты играют определяющую роль на всех стадиях реализации конкретного национального проекта, в частности, в формировании научного обоснования данного проекта [2, с. 67–69]. При этом мы опираемся на концепцию известного современного историка и социолога Майкла Манна, который утверждает, что наибольший национализм был свойственен государственным карьеристам, карьеристам в сфере высшего образования и профессионалам [3, с. 234]. Их национализм мог идентифицироваться как с формирующейся на базе империи нацией-государством, так и строиться на идентичностях локально-региональных либо религиозных общин. Таким образом, возникающее идеологическое гражданство и национализм могли сильно различаться. Одновременно М. Манн отмечает, что лица, которые зависели от образования, были наиболее лояльными к централизующему светскому государству [3, с. 216–218].

Исходя из обозначенной роли преподавательского корпуса и высших учебных заведений и обучавшихся в них студентов, представлявших специфические группы интеллектуальных элит, нас интересуют современные российские исследования, в которых можно найти информацию прямого характера либо имеющую косвенное отношение к сведениям об уроженцах западных губерний – профессорах и студентах учреждений высшего образования Российской империи, их активности, позволяющей выявить формы и уровни идентичности. Мы исходим из того, что историческая наука вынуждена прибегать к практике междисциплинарных исследований в изучении данных вопросов, поскольку она должна решить для себя широкий круг задач, связанных с пониманием объекта и предмета научного интереса. Это требует от историка обращаться к методам исследований из социологии, юриспруденции, политологии, непосредственно элитологии как самостоятельного направления научного знания и т. д. Историков в большей степени интересуют состоявшиеся процессы, имеющие большой срок давности, но объясняющие многие современные проблемы в развитии того либо иного общества. В этой связи интерес к изучению интеллектуальных элит на разных отрезках исторического развития представляет особый интерес и актуальность.

В нашем исследовании установлены следующие границы хронологического периода: весь XIX – начало XX в., характеризующиеся сворачиванием инфраструктуры высшего образования в Западном крае Российской империи, что значительно затруднило процессы воспроизводства региональных элит на белорусских землях и отрицательно сказалось на продвижении белорусского национального проекта [4, с. 77–80].

С учетом данного предмета научного интереса нами были выявлены и описаны научные работы в первую очередь современных российских представителей исторической науки¹⁷ и смежных гуманитарных наук, посвященные профессуре и студенчеству в период с начала XIX и до начала XX в. в университетских городах Российской империи. Достаточно полное представление о направлениях исследовательской работы и количестве реализованных исследовательских проектов в виде защищенных диссертаций позволяет получить Единый электронный каталог Российской государственной библиотеки (РГБ), где аккумулируются авторефераты диссертаций на соискание соответствующих

¹⁷ Интерес представляли исследования, выполненные после 1990 г.

ученых степеней [5]. Мы исходим из того, что РГБ получает экземпляр автореферата по обязательной рассылке, в связи с чем можно полагать, что каталог данной библиотеки представлен довольно полной подборкой данных документов. Поиск по ключевым словам позволяет сформировать объективное представление о подготовленных и защищенных научных работах, а также провести их анализ по ряду параметров: хронологическому (динамика защит за последние десятилетия), территориальному (места проведения исследований) и тематическому (популярная проблематика). В нашем случае ключевыми словами для поиска информации стали «профессора», «студенты», «XIX век», «императорский университет», «Российская империя».

Сразу отметим, что среди выявленных диссертаций нет ни одной работы, посвященной Виленскому императорскому университету. На наш взгляд, это можно объяснить тем, что данный университет не считается в российской исторической традиции «своим», он рассматривается скорее как «польский университет» и в связи с этим исключен из сферы интересов историков, изучающих историю высшего образования в Российской империи. Авторы в одной из монографий, посвященной университетам в России в первой половине XIX в., характеризуют это учреждение высшего образования следующим образом: «...далекий (выделено нами. – *III. С.*) Виленский университет, жизнь которого развивалась по собственным, отличным от остальной Российской империи законам» [6, с. 306]. Географически город Вильно был намного ближе к Петербургу, чем Харьков и тем более Казань, но ментально бывшую столицу ВКЛ и столицу Российской империи в начале XIX в. действительно разделяла пропасть.

Из значительного числа представленных электронным каталогом позиций автором отобрано 40 работ, соответствующих требованиям к типу работы (авторефераты диссертаций), хронологическому периоду (XIX – начало XX в.) и тематике исследования (профессора и студенты в университетах Российской империи, их профессиональная деятельность и повседневная жизнь). Большинство из них содержит указание на интересующий нас объект исследования – профессию и студенчество – уже в самом названии, часть исследований посвящена проблемам, непосредственно связанным с деятельностью образовательной инфраструктуры, ее академического и ученического сообществ.

Кроме этого, было выявлено около 150 диссертаций, посвященных другим аспектам истории высшего образования в Российской империи:

формированию и изменениям законодательства о высшей школе; тенденциям развития и реформирования высшего образования в XIX – начале XX в.; становлению негосударственной системы высшего образования; трансформации процедуры присуждения ученых и академических степеней; развитию разных направлений научного знания и научных школ и методик образовательной деятельности в высшей школе; подготовке кадров для разных отраслей; педагогическим приемам в построении образовательного и воспитательного процесса в вузах империи и т. д. Из исследований, посвященных непосредственно анализу студенчества, можно отметить 17 работ и 24 исследования, в которых рассматривается профессорско-преподавательский состав императорских университетов. Именно на них мы и сосредоточим внимание. Необходимо отметить, что авторефераты диссертаций не дают полного представления обо всем объеме фактуры, приводимой в текстах диссертаций, использованных авторами источниках и другой важной для поиска «белорусского» контента информации.

Использованная нами методика поиска не претендует на строгую научность с точки зрения правил и законов социологии, это скорее анализ, построенный на подходах неформального исследования (по принципу «воспользоваться удобным случаем»). Полученные результаты не обладают полной точностью, поскольку не учитывают все исследования в данной сфере. Однако они позволяют сформировать более-менее общую картину, а также выявить основные направления и закономерности в формировании тематики исследований и ряд иных тенденций современной российской исторической науки.

Исследования по истории студенчества были достаточно обычны для советской исторической науки с учетом доминирования марксистской методологии и поднимавшейся проблематики – участия учащейся молодежи в революционной деятельности. По этой же причине отсутствовали исследования о профессуре, так как отношение к интеллигенции имперского периода у советской науки было основано на классовом подходе и имело преимущественно критическую окраску [7, с. 6]. Среди исследований, посвященных студенчеству и выполненных в советский период, на наш взгляд, интерес представляет диссертация М. В. Борисенко «Студенчество Петербурга в 1907–1914 гг.», защищенная в 1984 г. в Ленинграде [8], которая отходит от канонического марксистского рассмотрения студенчества как революционного резерва большевиков. Она была подготовлена на материалах студенческих самопереписей

1909–1912 гг., при этом стоит отметить, что данные опросы не только дают информацию о политических пристрастиях студентов, но и впервые позволяют проследить его национальный состав, поскольку до этого официальный учет обращал внимание исключительно на конфессиональную принадлежность обучающихся [9, с. 213–219]. Определенный интерес представляет диссертация О. А. Рафальского «Межнациональные революционные связи студенчества на Украине (1895–1914 гг.)», выполненная на закате советского режима в Киеве. В ней можно проследить и белорусский компонент ввиду значительного числа студентов из западных губерний в Харьковском, Киевском и Новороссийском университетах. Так, по подсчетам историка, к 1914 г. на украинских землях Российской империи находилось 33,8 % всех вузов империи, в которых получали высшее образование 35,2 тысячи студентов, что составляет более 36 % от общероссийского количества [10, с. 2]. Этими цифрами можно объяснить развитость и силу украинского национального проекта в конце XIX – начале XX в., который опирался на мощные интеллектуальные региональные элиты, подготовка (студенты) и деятельность (профессора) которых осуществлялась в университетах на украинских землях. Автор указывает на наличие интернационального содружества студенческой молодежи Украины, Армении, Грузии, Молдавии, отмечает участие болгарского и польского студенчества в общероссийском революционном движении в рамках университетов на украинских землях, отмечает активность в вузах партий грузинских социалистов-федералистов, польских социалистов, армянских дашнаков, азербайджанских мусаватистов, поалей-ционистов, Бундовцев, но никак не обозначает институциональной активности белорусского студенчества [10, с. 7–8, 14]. Мы полагаем, что отсутствие белорусских студенческих структур в университетах можно объяснить слабым развитием собственной национальной идентичности и, как следствие, включенностью «белорусского» студенчества в деятельность польских, украинских, российских и еврейских организационных структур.

В 1990-х гг. постсоветская историческая наука осваивает новые методологические подходы, становятся доступными новые источники и исследования, расширяется тематика исследований и увеличивается их число. Так, в 1990-х гг. в России защищено 4 диссертации по студенческой проблематике и в самом конце десятилетия – 2 диссертации по профессуре. В следующем десятилетии (2000-х гг.) было защищено 6 диссертаций по проблеме студенчества и 12 – по профессорам универ-

ситетов. В последнее десятилетие (2010-е гг.) интерес к проблематике сохранился, что подтверждается следующими данными: 7 диссертаций по студенчеству и 10 – по профессуре. Некоторые работы посвящены одновременно и студентам, и профессорам, а также комплексному изучению истории конкретного университета во всей специфике его жизнедеятельности [11–13].

Города, в которых университеты были открыты еще в имперский период, логично доминируют среди мест, где выполняются исследования по проблеме студенчества и профессуры в XIX – начале XX в. Так, лидирует Москва, в образовательных и научных учреждениях которой подготовлено 8 диссертаций по истории студенчества и 8 – по профессуре императорских университетов (прежде всего Московского университета). В Петербурге выполнено 5 диссертаций по студенчеству и 3 – по профессуре, в Казани – 1 работа по студенчеству и 5 – по профессуре, в Томске – 1 по студенчеству и 4 – по профессуре. По одной диссертации о студенчестве выполнено в Омске и Тюмени, по одной диссертации о профессуре – в Саратове, Челябинске, Ставрополе и Тамбове. При этом необходимо отметить, что многие диссертации на сегодняшний день доработаны исследователями и изданы в качестве научных монографий.

Если рассматривать содержательно-тематический аспект исследований, посвященных истории студенчества, то можно выделить диссертации, анализирующие источниковую базу и вопросы историографии проблемы. Все эти работы представляют интерес, поскольку среди студентов всех университетов России было значительное число уроженцев западных губерний. Так, диссертация С. А. Ежовой посвящена изучению мемуаров воспитанников Казанского университета XIX в. как исторических источников [14]. Для нас представляют интерес как сведения о профессорах – уроженцах белорусских земель (а их на протяжении XIX – начала XX в. в Казани было более 30 человек), так и информация о студентах из Западного края, их учебе и общественной активности. Также интерес представляет работа Ю. К. Рачковской, в которой исследователь изучает специфику освещения авторами либерального направления деятельности студенчества вузов российских столиц в конце XIX – начале XX в. [15]. Стоит отметить, что среди студентов столичных университетов традиционно был большой процент уроженцев белорусских земель, и они еще с середины XIX в. представляли собой достаточно активную группу [16, с. 26–28].

По этой же причине для белорусской исторической науки может быть интересна диссертация О. А. Вахтеровой «Отечественная дореволюционная историография студенческого движения в России в конце XIX – начале XX века» [17]. Все три перечисленные выше диссертации были выполнены в 1990-х гг.

Традиционно популярным направлением исследований является изучение форм и методов студенческой активности, которая носила преимущественно протестный характер и проявлялась в политических антиправительственных акциях. В подобных исследованиях преодолена долгое время доминировавшая марксистская методология, современными исследователями используются социально-психологические и культурно-антропологические методы, подходы в рамках междисциплинарных исследований, позволяющие всесторонне рассмотреть феномен участия студенчества в общественно-политической жизни империи. Это действительно очень важная научная проблема, ведь, как отмечал А. С. Изгоев в статье «Об интеллигентной молодежи (заметки о ее быте и настроениях)», вышедшей в 1909 г. в нашумевшем сборнике «Вехи», до 1905 г. именно студенчество было едва ли не единственной группой образованных людей, думавших не только о личных интересах, но и об интересах всей страны [18, с. 476]. Это утверждение не помещало А. С. Изгоеву подвергнуть российское студенчество очень жесткой критике и требовать от него основное внимание уделять своим непосредственным обязанностям – приобретению знаний.

Высокий уровень активности в российских университетах наблюдался у уроженцев западных губерний. В этой связи интересны диссертации О. В. Ищенко, П. В. Краснова, В. Н. Филянова [19–21]. В диссертации В. Л. Маркина анализируется участие в общественно-политической жизни России начала XX в. студентов и преподавателей Московского университета, среди которых было много уроженцев белорусских земель [12].

Небольшую группу (всего 4 диссертации) составляют работы, посвященные характеристике студенчества как социальной группы в разных императорских университетах в разные периоды их деятельности. В этих работах раскрываются национальность, вероисповедание, территориальное происхождение, социальная активность студентов, что позволяет выявить присутствие уроженцев белорусских земель в университетах и проанализировать их как специфическую группу среди всех обучающихся. Особый интерес для нас представляют та-

кие работы, как «Формирование студенческого состава Московского университета в первой половине XIX века: государственная политика и общественный интерес» А. Н. Феребова, «Социально-экономическое положение томских студентов в конце XIX – начале XX вв. (1888 – февраль 1917 гг.)» Л. И. Смокотиной [22; 23]. В диссертации «Студенчество Санкт-Петербургского университета в первой половине XIX в.» К. С. Казаковой, доработанной и изданной в качестве монографии, содержится очень важный и интересный материал об уроженцах белорусских земель в Петербургском университете. Автор отмечает, что с закрытием Виленского университета число студентов из западных губерний в стольном университете быстро выросло. Правда, К. С. Казакова относит их к «польскому» сообществу, которое вместе с уроженцами Царства Польского составляло до трети от всех студентов университета, при этом приводится интересная и богатая фактура участия «польских» студентов в общественно-политической жизни [24; 25, с. 241].

Значительный интерес представляют исследования, посвященные анализу деятельности разнообразных студенческих объединений в университетах империи. Из четырех диссертаций наиболее явно «белорусское присутствие» обозначено в двух работах: «Этноконфессиональные и региональные организации студенчества Санкт-Петербургского университета: 1884–1917 гг.» Д. А. Баринова [26] и «Студенческие научные общества Санкт-Петербургского университета в конце XIX – начале XX в.» Д. А. Завьялова [27]. Так, в своей диссертации, подготовленной в 2015 г., Д. А. Баринов выявил 3 (из 15 действовавших в университете) научных белорусских кружка: Кружок изучения Гродненской губернии, Белорусское научно-литературное общество и Кружок изучения Витебской губернии [26, с. 243–244]. На наш взгляд, уроженцы белорусских земель в соответствии со своими идентичностями могли также принимать участие и в деятельности Польского научного кружка, Кружка польского права, Кружка польской словесности, Кружка литовведения. Многие студенты – уроженцы белорусских земель католического вероисповедания прибегали к помощи Кассы студентов-поляков и участвовали в работе национальной корпорации «Польская “Сарматия”», которая являлась наследницей польских объединений, известных в середине XIX в., о которых в своем исследовании писала К. С. Казакова [25, с. 258–262].

Д. А. Баринов выявил 14 (из 184) землячеств, представлявших западные губернии: Бобруйское, Брест-Литовское, Вилейское, Виленское,

Витебское, Гомельское, Гродненское, Двинское, Минское, Могилевское, Невельское, Пинское, Полоцкое и Слуцкое [26, с. 245–251]. Он также отметил важное значение белорусских студенческих институций в деле образования первой белорусской национальной политической партии – БСГ [26, с. 7]. По мнению историка, «...белорусские кружки были одними из наиболее представленных среди национально ориентированных научных обществ...» [26, с. 180], в их работе активное участие принимали такие известные в дальнейшем деятели белорусского движения, как И. Воронко, А. Смолич, П. Алексюк, Е. Хлебцевич, Б. Тарашкевич и др. Обобщая деятельность белорусских научных организаций университета, Д. А. Баринов отметил, что «...они сыграли значительную роль в формировании национальной интеллигенции, становлении многих известных ученых и политических деятелей» [26, с. 185]. Более ранняя диссертация (2006 г.) Д. А. Завьялова, посвященная изучению форм и методов деятельности студенческих научных обществ Петербургского университета, также представляет существенный интерес для белорусских исследователей [27].

Достаточно узкому и специфическому аспекту учебной деятельности студентов в Российской империи – книгоизданию – посвящена диссертация А. В. Зайцевой «Студенческое учебное книгоиздание в Москве: вторая половина XIX – начало XX в.» [28]. В диссертации А. А. Рогозина «Российские студенты в Германии на рубеже XIX–XX вв. в современной немецкой историографии» исследуется такой интересный аспект, как изучение процесса обучения студентов из Российской империи в немецких университетах на рубеже XIX–XX вв. [29]. Интересен тот факт, что еще в 1990 г., на исходе советской эпохи, в украинском Ужгороде С. В. Морозенко была подготовлена похожая диссертация о российских студентах в Германии, где в традициях марксизма рассматривается их участие в революционной борьбе в 1880–1914 гг. [30].

Диссертации о российско-европейских связях в высшем образовании (в первую очередь с германскими университетами) имеются и в «профессорской» группе исследований. Так, А. Ю. Трохимовский в 2007 г. подготовил исследование «Заграничные командировки учёных Московского университета в 1856–1881 гг.», а поскольку среди профессоров названного университета было много уроженцев белорусских земель, там можно найти соответствующую фактическую информацию [31].

Среди диссертаций, посвященных профессуре императорских университетов, необходимо отметить значительную группу исследований,

изучающих вклад конкретных персоналий в развитие российской науки и высшего образования. Это 11 диссертаций (чуть менее половины от всех, посвященных профессуре), в которых оценивается вклад таких известных лиц, как В. О. Ключевский (автор – Н. В. Гришина), Н. И. Пирогов (Е. М. Бакушкина), С. Н. Трубецкой (Е. Э. Семерикова), В. И. Ламанский (О. В. Саприкина), В. И. Герье (Т. Н. Иванова), В. М. Флоринский (И. А. Дубнинский), М. Т. Каченовский (Ю. В. Евдошенко), Э. Д. Гримм (О. М. Беляева), профессиональная деятельность которых осуществлялась в тесном взаимодействии с коллегами-профессорами, среди которых были и уроженцы западных губерний.

Но более интересными, на наш взгляд, являются диссертации, посвященные непосредственно уроженцам западных губерний либо университетским профессорам, научные интересы которых напрямую касались белорусских земель. В первую очередь обращает на себя внимание диссертация А. М. Скворцова «Научная школа в отечественном антиквоведении: М. С. Куторга и его ученики», в которой рассмотрена профессиональная карьера уроженца Мстиславского уезда Могилевской губернии. Однако в автореферате нет ни слова о происхождении ученого-историка. Автором отмечены его заслуги для исторической науки (М. С. Куторга создал школу антиквоведения, впервые ввел семинарскую систему преподавания), описан процесс формирования научной школы и специфика взаимоотношений с учениками [32 с. 1–20]. Среди учеников историка упоминается М. М. Стасюлевич. Вероятнее всего, это представитель фамилии из Западного края, которая в начале XIX в. обосновалась в столице империи.

Схожая ситуация наблюдается и в диссертации Т. В. Слепцовой, посвященной научной деятельности известного археографа Н. К. Шильдера, уроженца Витебской губернии [33]. Автор подробно останавливается на научных достижениях данной личности, в частности, на разработке им современных подходов к археографическим приемам публикации источников и введении в оборот значительного числа источников по отечественной истории. И хотя Т. В. Слепцова отмечает, что объектом исследования выступает «жизнь и творческая деятельность» Н. К. Шильдера, и, соответственно, хронологические рамки диссертационного исследования охватывают весь его жизненный путь, в том числе и детство, тем не менее, о происхождении этой личности в автореферате ничего не говорится, отмечается только, что род Шильдеров был близок к политическим кругам Польши [33,

с. 11–12, 20]. Стоит предположить, что в диссертации Т. В. Слепцовой данный аспект личной биографии историка представлен более точной и детальной информацией.

Необходимо указать на диссертацию Т. Н. Иванова, посвященную научной деятельности В. И. Герье и становлению науки всеобщей истории в России [34]. В исследовании часто упоминается М. С. Куторга, который вместе с В. И. Герье, Т. Н. Грановским, С. В. Ешевским учились у европейских профессоров во время зарубежных стажировок и в дальнейшем способствовали формированию научных школ в российских университетах. Так, Т. Н. Иванов отмечает, что М. С. Куторга непродолжительное время занимал кафедру в Московском университете и «...его относительно недолгая преподавательская деятельность в Московском университете < <...> дала позитивные плоды, способствуя расширению антикведческих знаний и методических приемов в преподавании» [34, с. 32].

В диссертации Ю. Н. Ермолаева анализируется научная и административная карьера известного историка и ректора Московского университета М. К. Любавского [35]. Он не был уроженцем западных губерний, однако сфера его научных интересов непосредственно связана с историческими формами государственности на белорусских землях. М. К. Любавский являлся крупнейшим в империи специалистом по истории Великого Княжества Литовского. По мнению одного из основателей белорусской исторической науки В. И. Пичеты, белорусская историография идет по пути, проложенном М. К. Любавским [35, с. 5]. В этой связи представляют интерес ответы на довольно простые вопросы: чем был вызван научный интерес этого историка к ВКЛ? Кто способствовал формированию этого интереса? Автореферат диссертации содержит ответ только на один вопрос. Ю. Н. Ермолаев отмечает, что интерес к истории ВКЛ сформировался у историка под влиянием его учителей Н. А. Попова и В. О. Ключевского [35, с. 17]. Какие обстоятельства послужили предпосылками для формирования данного научного интереса у этого талантливого историка, в материалах автореферата диссертации не говорится. Более того, автор отмечает, что к 1900 г. у М. К. Любавского изменяются научные приоритеты, история ВКЛ уступает место истории западных славян, которая, однако, рассматривается в связи с историей «Литвы» [35, с. 18].

Значительную группу диссертаций представляют исследования, в которых дается характеристика профессорско-преподавательского

корпуса конкретных университетов (с выделением хронологических рамок исследования) и в целом анализируется профессура как особая социальная группа российского общества. Так, в докторской диссертации М. В. Грибовского анализируется профессура императорских университетов в период с 1884 по 1917 г. Исследователь поднимает широкий круг вопросов, в том числе отмечает, что преподавательский корпус в этот период в полной мере затронул национальный вопрос, особенно в так называемых «западных» университетах империи, однако автореферат не дает представления о формате проявления данного вопроса в высшей школе [7, с. 10, 23]. Исследование посвящено в большей степени общим тенденциям трансформации преподавательского корпуса высшей школы империи на рубеже веков, в нем рассматриваются роль профессуры в становлении гражданского общества, отношения профессуры и студенчества, формирование политических предпочтений профессуры и их реализация в общественно-политической активности данной социальной группы, анализируются социальный статус, семейное положение, профессиональные идентичности и т. д. Полагаем, что в диссертации можно получить более подробную фактическую информацию с указанием конкретных персоналий и учреждений.

Анализ профессорско-преподавательского состава Томского университета представлен в докторской диссертации С. А. Некрылова. В работе подробно анализируются научно-педагогические кадры университета, среди которых есть и уроженцы белорусских земель. Так, в автореферате исследователь отмечает А. С. Догеля, И. В. Михайловского, М. А. Рейснера, что позволяет предположить о наличии более подробных сведений об этих лицах в тексте диссертации [13, с. 28, 31, 39]. Тем не менее данные лица упоминаются в контексте деятельности научных обществ, формирования научных школ, профессиональной академической деятельности в Томском университете без указания их происхождения, национальности и иной информации личного характера.

В диссертации В. Л. Маркина «Студенты и преподаватели Московского университета в общественно-политической жизни России начала XX века» историк ставит задачи, которые предполагают выявление конкретных лиц и определение их степени вовлеченности в политическую жизнь империи. В качестве одного из основных источников автор использует материалы переписи студентов Московского университета 1902–1904 гг. [12, с. 9, 11]. Исходя из материалов автореферата, нацио-

нальный вопрос в исследовании не рассматривался, хотя общественно-политическая жизнь Российской империи в начале XX в., особенно после революции 1905–1907 гг., была насыщена национальной проблематикой. В автореферате есть единичное упоминание о В. И. Пичете (будущем первом ректоре БГУ) в контексте увольнения либеральных профессоров из Московского университета в 1911 г. в знак протеста против политики министра просвещения Л. А. Кассо [12, с. 23].

На схожую тематику – о московской профессуре – выполнена диссертация Н. Н. Никс [36]. Исследователь определила в качестве задачи составление просопографических анкет на всех профессоров Московского университета, преподававших во второй половине XIX – начале XX в. [36, с. 5]. Среди важных индикаторов обозначены социальные показатели и национальная принадлежность. Однако Н. Н. Никс национальную принадлежность профессуры выявляет через их конфессиональную принадлежность, и в этом, на наш взгляд, заключается серьезная методологическая ошибка. Конфессиональная принадлежность не является надежным признаком для определения национальности. В этой связи некорректно ассоциировать православных исключительно с русскими, а лютеран и католиков только с «немцами» [36, с. 8]. Тем более такая «классификация» непозволительна для рассматриваемого хронологического периода, когда проходят активные процессы становления современных наций – украинцев, белорусов, литовцев и т. д., конфессиональная картина которых далеко не однозначна.

Определенный интерес для белорусской историографии представляет диссертация А. В. Гатиловой «Научные династии польских профессоров и преподавателей в Казанском университете: XIX – начало XX вв.» [37]. В своем исследовании автор объединяет в единую группу «польских» профессоров уроженцев Царства Польского и всех уроженцев западных губерний (не только католического вероисповедания), а это, как было нами отмечено выше, является методологической ошибкой. По замечанию А. В. Гатиловой, многие поляки-профессора являлись сосланными в Казань выпускниками Виленского университета [37, с. 17–19]. Однако в Вильно обучались преимущественно уроженцы белорусских и частично украинских земель, а уроженцы Польши получали высшее образование преимущественно в Варшавском университете. Несмотря на то, что цель диссертации предполагала понимание специфики «польской» ссылки [37, с. 11], материал автореферата говорит о том, что эта специфика исследователем понята не была. При этом автор упоми-

нает исследование В. А. Павлова, посвященное «польским» ссыльным, в котором автор четко разделяет сосланных в Поволжье «поляков» из Царства Польского и западных губерний на две группы, отмечая совершенно разные паттерны их поведения [38, с. 20]. Опираясь на этот уже доказанный тезис, можно было избежать некоторых некорректных утверждений. Принадлежность к польской культурной традиции, использование польского языка и католическое вероисповедание не являются явными признаками принадлежности к польской этнокультурной нации. Действительно, наследие Речи Посполитой проявлялось в польском культурном доминировании на «непольских» территориях, но это не делает литовские, белорусские и украинские земли частью Польши, а лиц, родившихся на этих землях, этническими поляками. Идентификация данных лиц требует понимания сложных процессов формирования и трансформации многоуровневых идентичностей (гражданских, этнических, региональных и т. д.) в зонах так называемых «фронтиров» и предполагает избегать применения далеких от науки стереотипов, схематизации, шаблонирования и упрощений [16, с. 26].

Некорректным в диссертации, на наш взгляд, является отнесение всех «польских» профессоров в число «иностранного» сектора профессорско-преподавательского состава университета [37, с. 3]. Нам не совсем понятно, как уроженцы белорусских (и украинских) земель попали в число «иностранцев» в Российской империи. Также автор не решила проблему идентификации династии Догелей, поскольку вывилось «...непризнание современными потомками известного исторического факта (?) о польских корнях династии» [37, с. 13]. В результате историк предположила их *литовское* (sic!) (выделено нами. – Ш. С.) происхождение. На наш взгляд, автор диссертации не сделала главного – не обозначила четких, недвусмысленных критериев отнесения конкретных лиц к «польской» группе профессоров. Это значительно снижает научную и методическую ценность данного исследования, хотя его актуальность сохраняется в связи с перечнем выявленных персоналий и использованных источников, интерпретация которых, однако, требует несколько иных, более научных подходов.

Пожалуй, одной из наиболее ценных научных работ с точки зрения выявления «белорусского» компонента является докторская диссертация Е. А. Ростовцева «Санкт-Петербургский университет в контексте социально-политической истории России: 1884–1917», которая была издана в виде монографии в 2017 г. [9; 11]. В этой работе представлена

системная реконструкция истории университета, анализируют условия формирования и профессиональная деятельность профессорского сообщества, формы проявления учебной, научной и социальной активности студенчества, присутствует богатый фактический материал об уроженцах западных губерний.

Исследования, в которых рассматривается повседневная жизнь профессуры императорских университетов, анализируются системы мотивационных установок, определяющих поведение (например, правовая культура), представлены диссертациями Л. А. Сазановой, Т. В. Костиной, А. В. Баранова, М. В. Торопова [39–42]. Полагаем, что данные исследования потенциально содержат интересную информацию об уроженцах белорусских земель.

Таким образом, необходимо отметить значительный интерес в среде современных российских историков к самым разным вопросам развития и трансформации системы высшего образования в Российской империи, к деятельности академического сообщества – профессоров университетов и институтов, к разным аспектам студенческой активности и иным проблемам высшего образования периода XIX – начала XX в., который в исторической науке получил название «долгий XIX век». Динамика защит исследований, связанных с проблемами высшего образования, позволяет судить о росте интереса к истории науки и образования, к деятельности конкретных исторических лиц и в целом интеллектуальных элит, о формировании соответствующих научных направлений в региональных научных и образовательных центрах российского государства. В данных исследованиях можно найти интересные и важные сведения об уроженцах белорусских земель, которые активно проявляли себя как в профессиональной сфере, так и в общественной жизни университетских центров Российской империи.

Список использованных источников

1. Шимукович, С. Ф. Научная элита родом из белорусских земель в российских университетах в «долгом XIX веке»: проблемы изучения и интерпретации / С. Ф. Шимукович // Долгий XIX век в истории Беларуси и Восточной Европы: исследования по Новой и Новейшей истории: сб. науч. тр. / редкол.: И. А. Марзалюк (пред) [и др.]. – Минск: РИВШ, 2019. – Вып. 3. – С. 192–206.

2. Лінднэр, Р. Гісторыкі і ўлада: нацыятворчы працэс і гістарычная палітыка ў Беларусі XIX–XX ст. / Р. Лінднэр; пер. з ням. Л. Баршчэўскага; нав. рэд. Г. Сагановіча. – 2-е выд. – СПб.: Неўскі прасцяг, 2005. – 540 с.

3. Манн, М. Источники социальной власти: в 4 т. / М. Манн; пер. с англ. А. В. Лазаревича; под науч. ред. Д. Ю. Карасева. – М.: Издат. дом «Дело» РАНХиГС, 2018. – Т. 2: Становление классов и наций-государств, 1760–1914 годы (кн. 2). – 520 с.

4. Шимукович, С. Ф. Процессы нацистроительства и проблема воспроизводства элит в белорусском регионе в период «долгого XIX века» / С. Ф. Шимукович // Беларусь у эпоху геапалітычных і сацыяльных зрухаў Новага і Навейшага часу. Да 25-годдзя кафедры гісторыі Беларусі новага і навейшага часу гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта: матэрыялы міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 22 ліст. 2019 г. / Беларус. дзярж. ун-т; рэдкал.: А. Г. Кахановіч (старш.) [і інш.]. – Мінск: БДУ, 2019. – С. 76–81.

5. Официальный сайт Российской государственной библиотеки: Единый электронный каталог [Электронный ресурс]. – М.: РГБ, 1999–2017. – Режим доступа: <https://search.rsl.ru/ru/search>. – Дата доступа: 20.04.2021.

6. Университет в Российской империи XVIII – первой половины XIX века / под общ. ред. А. Ю. Андреева, С. И. Посохова. – М.: РОССПЭН, 2012. – 671 с.

7. Грибовский, М. В. Профессорско-преподавательский корпус императорских университетов как социально-профессиональная группа российского общества: 1884 г. – февраль 1917 г.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / М. В. Грибовский; Том. гос. ун-т. – Томск, 2018. – 43 с.

8. Борисенко, М. В. Студенчество Петербурга в 1907–1914 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / М. В. Борисенко. – Л., 1984. – 218 с.; прил. 160 с.

9. Ростовцев, Е. А. Столичный университет Российской империи: учение сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.) / Е. А. Ростовцев. – М.: Полит. энцикл., 2017. – 903 с.

10. Рафальский, О. А. Межнациональные революционные связи студенчества на Украине (1895–1914 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / О. А. Рафальский; Киев. гос. ун-т. – Киев, 1990. – 22 с.

11. Ростовцев, Е. А. Санкт-Петербургский университет в контексте социально-политической истории России: 1884–1917: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Е. А. Ростовцев; С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 2017. – 37 с.

12. Маркин, В. Л. Студенты и преподаватели Московского университета в общественно-политической жизни России начала XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / В. Л. Маркин; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 2009. – 29 с.

13. Некрылов, С. А. Томский университет – первый научный центр в Азиатской части России: середина 1870-х гг. – 1919 г.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.10 / С. А. Некрылов; Том. гос. ун-т. – Томск, 2009. – 47 с.

14. Ежова, С. А. Мемуары воспитанников Казанского университета как исторический источник (XIX век): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. / С. А. Ежова. – Казань, 1995. – 18 с.

15. Рачковская, Ю. К. Студенчество Петербурга и Москвы в освещении авторов либерального направления: конец XIX – начало XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Ю. К. Рачковская. – СПб., 1999. – 19 с.

16. Шимукович, С. Ф. Студенты из западных губерний в российских университетах в 1860-х гг. / С. Ф. Шимукович // Современная научная мысль. – 2021. – № 2. – С. 23–35.

17. Вахтерова, О. А. Отечественная дореволюционная историография студенческого движения в России в конце XIX – начале XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / О. А. Вахтерова; С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 1998. – 22 с.

18. Изгоев, А. С. Об интеллигентной молодежи (заметки о ее быте и настроениях) / А. С. Изгоев // Университетская идея в Российской империи XVIII – начала XX веков: антология / сост.: А. Ю. Андреев, С. И. Посохов. – М.: РОССПЭН, 2011. – С. 468–480.

19. Ищенко, О. В. Студенческая и учащаяся молодежь в общественном движении и культурной жизни Сибири: конец XIX – начало XX вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / О. В. Ищенко; Ом. гос. пед. ун-т. – Омск, 2011. – 43 с.

20. Краснов, П. В. Департамент полиции МВД и студенческое движение в России в конце XIX – начале XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / П. В. Краснов; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 2008. – 23 с.

21. Филянова, В. Н. Политическая субкультура учащейся молодежи России второй половины XIX века: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / В. Н. Филянова; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 2005. – 25 с.

22. Феребов, А. Н. Формирование студенческого состава Московского университета в первой половине XIX века: государственная политика и общественный интерес: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А. Н. Феребов; Моск. гос. обл. ун-т. – М., 2013. – 32 с.

23. Смокотина, Л. И. Социально-экономическое положение томских студентов в конце XIX – начале XX вв. (1888 – февраль 1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Л. И. Смокотина; Том. гос. ун-т. – Томск, 1994. – 16 с.

24. Казакова, К. С. Студенчество Санкт-Петербургского университета в первой половине XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / К. С. Казакова; С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 2010. – 23 с.

25. Жуковская, Т. С. *Anima universitatis*: студенчество Петербургского университета в первой половине XIX века / Т. С. Жуковская, К. С. Казакова. – М.: Новый хронограф, 2018. – 576 с.

26. Баринов, Д. А. Этноконфессиональные и региональные организации студенчества Санкт-Петербургского университета: 1884–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Д. А. Баринов; С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 2015. – 253 с.

27. Завьялов, Д. А. Студенческие научные общества Санкт-Петербургского университета в конце XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Д. А. Завьялов; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – СПб., 2006. – 25 с.

28. *Зайцева, А. В.* Студенческое учебное книгоиздание в Москве: вторая половина XIX – начало XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 05.25.03 / А. В. Зайцева; Моск. гос. ун-т печати им. Ивана Федорова. – М., 2016. – 27 с.

29. *Рогозин, А. А.* Российские студенты в Германии на рубеже XIX–XX вв. в современной немецкой историографии: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / А. А. Рогозин; РУДН. – М., 2015. – 29 с.

30. *Морозенко, С. В.* Российские студенты в Германии: учеба, участие в революционной борьбе (1880–1914 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / С. В. Морозенко. – Ужгород, 1990. – 23 с.

31. *Трохимовский, А. Ю.* Заграничные командировки учёных Московского университета в 1856–1881 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.00, 07.00.02 / А. Ю. Трохимовский; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 2007. – 26 с.

32. *Скворцов, А. М.* Научная школа в отечественном антиковедении: М. С. Куторга и его ученики: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / А. М. Скворцов; Ин-т всеобщ. истории РАН. – М., 2012. – 24 с.

33. *Слепцова, Т. В.* Н. К. Шильдер – археограф и историк: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / Т. В. Слепцова; РУДН. – М., 2016. – 30 с.

34. *Иванова, Т. Н.* Владимир Иванович Герье и формирование науки всеобщей истории в России: 30-е гг. XIX – начало XX века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09 / Т. Н. Иванова; Казан. (Приволж.) федер. ун-т. – Казань, 2011. – 48 с.

35. *Ермолаев, Ю. Н.* Ректор Московского университета М. К. Любавский: научная и административная деятельность: автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Ю. Н. Ермолаев; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 2003. – 28 с.

36. *Никс, Н. Н.* Московская профессура второй половины XIX – начала XX вв. Социокультурный аспект: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Н. Н. Никс; Моск. пед. гос. ун-т. – М., 2004. – 18 с.

37. *Гатилова, А. В.* Научные династии польских профессоров и преподавателей в Казанском университете: XIX – начало XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А. В. Гатилова; Казан. (Приволж.) федер. ун-т. – Казань, 2012. – 23 с.

38. *Павлов, В. А.* Польская политическая ссылка в Казанской губернии во второй половине XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / В. А. Павлов; Чуваш. гос. ун-т им. И. Н. Ульянова. – Чебоксары, 2004. – 23 с.

39. *Сазонова, Л. А.* Повседневность университетского профессора Казани 1863–1917 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Л. А. Сазонова; Казан. гос. ун-т. – Казань, 2009. – 25 с.

40. *Костина, Т. В.* Мир университетского профессора Казани: 1804–1863: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Т. В. Костина; Казан. гос. ун-т. – Казань, 2007. – 26 с.

41. Баранов, А. В. Инакомыслие в высшей школе пореформенной России: 60-е – начало 90-х гг. XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А. В. Баранов; Моск. пед. гос. ун-т. – М., 1999. – 19 с.

42. Торопов, М. В. Правовая культура российской либеральной профессуры в 1860–1870-е годы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / М. В. Торопов; НИУ-ВШЭ. – М., 2011. – 28 с.

(Дата поступления: 05.05.2021).